

Историко-философский гротеск/нонсенс: научный коммунизм*

Е. Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Соколов Е. Г. Историко-философский гротеск/нонсенс: научный коммунизм // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 401–423. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.126>

В статье показано, каким образом научный коммунизм, идеологический конструкт последних трех десятилетий советского периода отечественной истории, может быть проинтерпретирован с философских позиций. В качестве отправной точки исследования берется историко-философская концепция Г. В. Ф. Гегеля, на основе которой была сформирована научно-академическая версия исторической эволюции философской мысли, имеющая парадигмальный статус в историко-философском дискурсе. Однако в последующем стала отчетливо проявляться тенденция расширить горизонты философской компетенции за счет включения в нее систем, которые по формальным и содержательным характеристикам не отвечают гегелевским дисциплинарным критериям, а потому могут быть квалифицированы как маргинальные. Это позволяет утверждать, что историческая эволюция философской мысли многообразна по сути и не может быть теоретически монологична, ибо включает в себя различные формы философствования, равно как и дискурсивно-тематическое содержание. Научный коммунизм как раз и является такой маргинальной зоной, чей философский потенциал может быть в полной мере проявлен лишь при смещении ракурса исследовательской интерпретации. Доминирующее отношение среди исследователей гуманитариев к идеологии, характерным примером которой является научный коммунизм, отталкивается от мнения К. Маркса, полагавшего ее, идеологию, иллюзорной и превратной формой отражения мира, искажающей действительность. Однако, если следовать установке Д. де Траси, благодаря которому идеология была артикулирована в качестве автономной и социально значимой познавательной практики, то подлинная задача идеологии состоит как раз в том, чтобы сформировать адекватное реальности мировоззрение. Разумеется, положительный эффект, равно как и философско-концептуальную убедительность, идеология, по Д. де Траси, обретет лишь при освоении всего комплекса пайдеветических дисциплин, таких как грамматика, логика и этика. В случае же с научным коммунизмом такими сопровождающими и легитимирующими друг друга комплексами выступа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках научно-го проекта РФФИ (грант № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде-Петербурге. Вторая половина XX века»).

ли диалектический и исторический материализм, политэкономия и история КПСС.

Ключевые слова: история философии, парадигма, маргинальность, идеология, научный коммунизм, Г. В. Ф. Гегель, Д. де Траси, К. Маркс.

Памяти Аката Калистратовича Бельха,
доктора философских наук, первого и единственного заведующего кафедрой научного коммунизма (1962–1992) философского факультета Ленинградского государственного университета

Оттолкнусь от мнения одного из самых уважаемых и авторитетных современных российских философов, г-жи Н. В. Мотрошиловой: «Согласно исследованиям историков философии, превращение в первой половине XIX в. истории философии в относительно самостоятельный предмет... было одной из личных заслуг Гегеля... Существенно важным в социально-историческом контексте был тот факт, что до Гегеля... история философии, в сущности, еще не входила в корпус наук... И как раз Гегель был одним из тех мыслителей, которые начали активно разрабатывать и продвигать историю философии» [1, с. 120]. Разумеется, и до Гегеля — еще со времен Аристотеля, который номинально числится первым историком философии, — различного рода «доксографические» компендиумы/разделы имели место, однако авторы подобных опусов «в большинстве своем осуществляли отдельные историко-философские разработки... При этом, однако, такие разработки еще не имели сколько-нибудь прочного статуса необходимых разделов философии и не вылились в создание специальной дисциплины» [1, с. 120]. Поэтому, даже учитывая все возможные натяжки и возражения, можно утверждать, что история философии и как познавательное пространство, и как раздел философии является гегелевским проектом, с которым хотя и стали спорить коллеги уже с конца XIX в., предлагая свои версии философическо-исторического архива, однако в своих общих тематически-концептуальных (а отсюда — и регионально-темпоральных границах) дисциплинарных предустановках/контурах он остался таковым до настоящего времени. Во всяком случае гегелевская модель истории философии выступает неким нормативным требованием «этикета» при идентификации/квалификации ранее отсутствующих в данных пределах феноменов (систем — имен — опытов — текстов), своеобразной точкой отсчета, во многих случаях предопределяющих и статус, и место, и конкретный «живописный облик» вводимых в философский храм новичков. Иными словами, Гегель утвердил дисциплинарную

автономность и целостность, тем самым совершив предварительную разметку данного познавательного пространства. Поэтому позволю себе напомнить некоторые известные положения, которыми очерчиваются его пространства, концептуальный горизонт, равно как и канонизируются применяемые в нем идентификационные процедуры. Обращу внимание также на то, что в подавляющем большинстве случаев именно сформулированные Гегелем регламенты выступают основанием при экспертизе и артикуляции критериев оценки.

За многие века существования человечества немало людей предавалось «метафизическим грезам». Скопилось изрядное количество текстов-свидетельств, претендующих на статус философии. Один из важнейших и отнюдь не формальных вопросов: каковы те критерии, по которым мы можем причислять то или иное конкретно-историческое явление к философской событийности? Поэтому «выделение материала, подлежащего рассмотрению истории философии, не должно быть произвольным, не должно совершаться как бы на глаз, а должно обуславливаться основательными определениями» [2, с. 75]. Простое «бытовое» номинирование — самим ли автором текста-теории или кем-либо из его адептов-последователей — не обеспечивает статус и не дает гарантий «допуска». Ибо «вся история философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение, которое разумно внутри себя и определяется своей идеей а priori; история философии должна подтвердить это на своем примере. От случайности мы должны отказаться при вступлении в область философии» [2, с. 75]. История философии — это не случайное и хаотичное собрание различных мнений, в изобилии разбросанных по временам и регионам, но процесс развития — поступательного движения — некой целостности: «Подобно тому как необходимо развитие понятия в философии, точно так же необходима и ее история; движущим же началом является внутренняя диалектика форм... каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь необходимо существовать: ни одна из них, следовательно, не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты одного целого» [2, с. 78]. И в этом отношении «изучение истории философии есть изучение самой философии, да это и не может быть иначе» [2, с. 75]. Идентификационным же маркером философии, так же как и истории философии, является необходимость «развития идеи». «Лишь та история философии заслуживает названия науки, которая понимается как система развития идеи; собрание разрозненных знаний не составляет науки. Лишь как обоснованная разумом последовательность явлений, которые сами имеют своим содержанием разум, эта история сама обнаруживает себя чем-то разумным, показывает, что она представляет собой

разумное событие» [2, с. 76]. И как итог: «Я утверждаю, что последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи» [1, с. 76]. Далее (собственно говоря, это и составляет основной текстовый корпус Лекций)¹ следует систематическое исторически последовательное представление различных авторов — систем. Не буду долго останавливаться и проводить аналитический обзор представляемых Гегелем имен-концептов. Нам он всем прекрасно известен чуть ли ни со школьной скамьи. Разумеется, с теми или иными региональными, идеологически-темпоральными флуктуациями, окказионально зависящими от — будь то коллективного, будь то индивидуального, но всегда культурно ангажированного — исполнителя (либо заказчика). Это — тот самый канон — разметка: значимые точки маршрута эволюционного движения точно так же, как и демаркация, — упорядочивание внутренних для всей целостности субполей (предметно-операционная рубрикация). И все бы хорошо — каркас системы как раз должен быть «схематично-обобщенным», разнообразные «нюансы» (второй — третий — четвертый ряды подражателей-эпигонов) и «экстравагантные прецеденты» изначально исключаются — если бы не очевидные (и очевидность их в последующем при освоении различных культурно-смысловых регионов становилась все более явной) «оплошности»: игнорирование великого множества умозрительно-спекулятивных систем, или невозможность включения в реестр историко-философских штудий. На некоторые Гегель сам обратил внимание, указав причины, по которым он отказал прецедентам в статусе философии — в особенности науке (научному образованию), религии (религиозному содержанию), «популярной философии» и предфилософии (разнообразные жесты «свободы мышления»). Тем не менее это касается и того, что случилось в философии, даже и весьма «европейски правильной» (по-гегелевски)² с конца XIX в., и других национальных традиций (в частности, французской и английской) — недоумения неизбежны. Нельзя сказать, что эти недоумения спровоцировали мощную контргегелевскую историко-философскую тенденцию, всерьез пошатнувшую стройный и безупречный каркас родоначальника дисциплины. Как я уже говорил, азы истории философии и сегодня изучают в русле гегелевской парадигмальной предустановки. Да и внутри-

¹ Приведенные цитаты взяты из предваряющих основной материал, т.е. собственно изложения исторически значимых философских теорий, «Введения в историю философии», в которых сформулированы методологически-концептуальные принципы, которыми он, Гегель, руководствовался.

² «Мы, собственно говоря, должны различать две эпохи истории философии: делить ее на греческую философию и германскую, подобно тому, как мы делим искусство на античное и современное» [2, с. 86]

дисциплинарная рубрикация сохраняется — с теми или иными вкраплениями — деталями — добавлениями. Однако историко-философский горизонт ныне гораздо шире, нежели во время оформления дисциплины т. е. истории философии, в самостоятельное и автономное пространство благодаря усилиям многих мыслителей, «однажды» реабилитировавших тех или иных авторов, те или иные тексты.

В первую очередь это касается всех восточных систем, которым Гегель хотя и уделил место в своей истории, но все же не слишком жаловал: «...восточная философия, которая, однако, не войдет в состав нашего изложения; она представляет собой нечто предварительное, о чем мы будем говорить лишь для того, чтобы объяснить, почему мы не излагаем ее более пространно и в каком отношении она находится к мысли, к истинной философии. Выражение “восточная философия” употребляется преимущественно для обозначения того периода, когда это великое всеобщее восточное воззрение соприкоснулось с Западом, со страной ограничения, меры, где преобладает дух субъективности... То, что мы называем восточной философией, представляет собой вообще в гораздо большей мере религиозный способ представления и религиозное мировоззрение восточных народов, которое очень легко можно принять за философию» [2, с. 145]. Сегодня, например, рубрики «История китайской философии» или «История индийской философии», равно как и арабской (арабо-мусульманской), французской, американской, английской, вплоть до невероятно экзотичной, вроде африканской, латиноамериканской, испанской и пр., не вызывают принципиального отторжения: едва ли найдется какой-либо национальный опыт, которому априори было бы отказано в праве иметь собственную философию, а значит, и историю философии. Справедливость подобного отношения основывается не только на «политкорректности» или опасении быть обвиненным в дискредитации и сегрегации (по национальному признаку), но и той работой, которая была проведена учеными за последние полтора века по расширению операционного поля философии, включению в него мыслительно-текстового субстрата, сформированного и функционирующего в иных, нежели антично-германской, социокультурных исторических традициях. Безусловно, по отношению к региональным историко-философским опытам использовать в качестве дисциплинарно-идентификационного детерминатива «развитие идеи» (в ее логической необходимости и итогового предъявленного артикулированного связно-систематического единства) невозможно³. Индийские, китай-

³ Хотя подобное также имело место. См., напр.: *Радхакришнан, С.* Индийская философия.

ские, арабские текстовые массивы, которые квалифицируются в качестве философских (в том числе), и конструируются по-иному, и функционируют в разных процессуально-дискурсивных формациях, да и тематическая интрига закручивается отнюдь не вокруг «развития идеи».

Но кроме философий различных эпох и народов, прошедших или проходящих на наших глазах дисциплинарную экспертизу, есть и еще одно затруднение, которое касается текстов, хотя и принадлежащих магистральной европейской (в том числе и антично-германской) интеллектуально-мыслительной традиции, в пределах которой находится философия как «наука и система развития идеи», но тем не менее не отвечают в полной мере идентификационным критериям. Они, эти текстовые массивы, находятся где-то в пограничной, с точки зрения дискурсивной демаркации, зоне между философией и, например, религией, или литературно-художественным творчеством, или политически-юридическим жестом, или публицистически-бытовым (обиходным) комментарием. На самом деле, как следует квалифицировать, например, «Жизнеописания» Диогена Лаэртского, «Опыты» М. де Монтеня, «Историю моих бедствий» П. Абеляра, трактаты Э. Сведенборга или «Исповедь» Августина Блаженного?! Да, в общем, перечислять нет нужды: их, этих, совсем «неправильных» философий в Европе за многие века скопилось изрядное количество. И это не касаясь последних полутора веков, когда пополнения философского архива происходило очень часто, — если не в большинстве случаев — за счет прецедентов, весьма сомнительных с точки зрения квалификационных парадигмальных нормативов. Отсюда уделяемое, по крайней мере, последние 70 лет столь пристальное внимание к различным маргинальным феноменам и прошлому, и настоящему. Это в равной степени относится и к восприятию философских концептов-текстов, которые могут выступать детонаторами самых разных экзистенциальных и повседневных движений, в том числе и собственных познавательных порывов. Например, знакомство с философскими трактатами-теориями может обернуться поиском «друзей» или «врагов», в непосредственном присутствии которых происходит твоя собственная интеллектуальная работа (Ж. Делез). И тогда акцент может сместиться с интерпретации-комментирования на чтение как таковое. «Традиционная, “академическая” история философии стремится выявить в сочинениях классиков ключевые моменты, вокруг которых выстраивается весь образ их философии. Делез настаивает на том, что читать нужно все, без изъятий: в философских текстах, как, впрочем, и в любых других, нет главного и второстепенного» [3, с. 15].

Извлечение имен, концептов, манер и стилистик повествования, композиционных принципов построения текста, ранее пребывающих в маргинальных философских зонах, а потому квалифицируемых с уничижительными прибавками «недо-» или «пред-» (чаще всего), — одна из ощутимых тенденций минувшего века. Парадигма или канон, определяющий вроде бы характер дискурса (и это касается не только собственно философии, аналогичные процессы происходили чуть ли не во всех познавательных, равно как и художественных практиках), уже не может рассматриваться в качестве безапелляционной судящей инстанции, ибо и сам канон или парадигма — не более чем результат абстрактной конвенции, всегда заключаемой небескорыстно. «Понятие парадигмы и представление о господствующих мировоззрениях, картинах мира, научно-исследовательских программах, структурах рациональности, философских традициях естественным образом предполагает соотнесенность их с иными, не признанными, не получившими по принятым критериям статуса парадигмальности, миропонимающими установками и концептуальными порядками» [4, с. 289]. В философии, в особенности в ее истории философии, соотнесение маргинальности и парадигмальности (магистральности) с неизбежностью ставит под сомнение авторитет последней. «Мы чаще склонны видеть философские школы и традиции в чистом виде... Между философскими школами мы фиксируем взаимовлияние, иногда трансляцию и модификацию идей, прослеживаем линии связи, грани контекстов, явные синтезы. Мы тщательно выписываем траектории школ, распадение систем, кризисы идей, — словом, все то, что составляет официальную историю философии, хорошо выписанную в неисчислимом количестве сводов и учебников... Представляется, что в эту методологию следует внести определенные изменения... Наличие во всем этом того, что было здесь названо как маргинальная составляющая жизни общества, кажется необходимым... Ныне принятые демаркации предполагают различие существенного и несущественного... Из них вытекает наличие первостепенного в историко-философском процессе и вторичного... *Но характеристика маргинальности философского явления не тождественна с его незначительностью* (курсив мой. — Е. С.)» [4, с. 291].

Научный коммунизм — как учебная дисциплина высшей школы, как регион умозрительных спекуляций, как руководящая предостановка политических жестов, их же легитимирующая, наконец, как сладостная утопическая греза — как раз и может быть рассмотрен, так же как и объяснен (в целесообразности, оправданности и неизбежности) в горизонте противопоставления, даже и противостояния историко-философских магистральностей и маргинальностей, в котором по-

следняя, т. е. маргинальность, может быть оценена как некий гротеск/нонсенс, а то и даже «флюс», по отношению к парадигме, но гротеск/нонсенс/«флюс» (в зависимости от индивидуального вкуса) — трагикомический, драматический, раздражающе-саднящий, строгий и сосредоточенный в своей непреложности, при этом всегда — выпуклый и заметный⁴.

Разумеется, научный коммунизм — явление идеологического порядка: чистая идеология позднесоветской эпохи. Но ничего дурного, или уничижительного в этом нет. Да, это — один из инструментов манипуляции, используемых властью, посредством которого (как предполагалось) будет происходить настройка сознания. Однако в любой социокультурной системе и прошлого, и настоящего власть не безучастна и не нейтральна к процедурам, посредством которых происходит репродукция и наладка «антропологического субстрата», равно как и поддержание его в «надлежащем (рабочем) состоянии». Она, власть, определяет характеристики «антропологического канона», следит за его соблюдением, применяет репрессивные меры по отношению к несогласным, используя весь доступный инструментарий для «надзора и наказания». В этом смысле научный коммунизм — одна из процедур или практик общей ментально-телесной пайдеветической дрессуры, едва ли не лучшая или самая успешная из когда-либо применяемых в истории, но также и вряд ли — самая позорная и антигуманная.

К идеологии, как к социально значимой дискурсивной институции, и в советскую эпоху, и сегодня отношение непростое. В общем и целом — скорее негативное. Характер советско-российской трактовки идеологии во многом определила позиция К. Маркса и Ф. Энгельса, получившая развернутое обоснование в классической для советской официальной философии работе «Немецкая идеология». Не вдаваясь в детали теоретически-логической интриги, обращаю внимание лишь на то, что тематическим стержнем интриги выступала полемика с Фейер-

⁴ Сразу оговорюсь (и это выношу за скобки): научный коммунизм я рассматриваю как явление, которое целиком и полностью находится в русле развития отечественной, т. е. русской, философской мысли, в которую включаю как то, что происходило в этом ведомстве за пределами нашего отечества в эмигрантских кругах, так и то, что случалось здесь, «без философского парохода». При всей внешней и постоянно подчеркиваемой оппозиционности этих традиций, отделенности их друга от друга, невозможности профессиональной коммуникации, обе — хотя каждая и по-своему — выступают развитием-эволюцией (осуществленной в различных конкретно-исторических обстоятельствах «места и времени») того интонационного строя русского типа философствования, который сложился к концу XIX в. Но это — предмет специального и очень пространного разговора, который, надеюсь, состоится в будущем.

бахом о преобразующей деятельности человека, а также сущность и механизмы исторической процессуальности. Из этого выводилась сущность исторической эволюции, которая «заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму... как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль... и т. д., и т. д.» [5, с. 36]. Вот в эту «и т. д.» как раз и включена идеология в качестве «объективно существующей» формы сознания. Правда, сознания — ложного или, в терминах работы, «иллюзорного». «Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» [5, с. 25], а идеология «есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включенное в нее» [5, с. 61]. Позднее в письме Ф. Мерингу Ф. Энгельс дал развернутое и исчерпывающе-однозначное определение идеологии: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника» [6, с. 86]. Таким образом, идеология — хоть и неизбежная («Идеи и мысли людей были, разумеется, идеями и мыслями о себе и о своих отношениях, были их сознанием о себе, о людях вообще... — и обо всем обществе, в котором люди жили. Независимые от них условия, в которых они производили свою жизнь, связанные с этими условиями необходимые формы общения и обусловленные всем этим личные и социальные отношения должны были... принять форму идеальных условий и необходимых отношений, т. е. получить в сознании такие определения, которые происходят из понятия человека вообще» [5, с. 171]), но ложная, ненаучная система исключительно умозрительных трактовок реальности (в ос-

новном — буржуазная), в основе которой представление о том, что мир есть проекция наших идей (марксистская интерпретация эйдетически централизованных умозрительных спекуляций). Итоговый вердикт соответствующий: все это иллюзия, искаженное и превратное толкование действительности, целенаправленное, а потому и злобное, отвлечение от насущных проблем.

Однако в устах отца — прародителя идеологии Д. де Траси, — с легкой руки которого идеология (как понятие, как институализированная социальная практика, как дискурс) стала активно циркулировать в повседневности, в том числе и интеллектуальной, облик ее, идеологии, не столь постыден, но даже и весьма привлекателен. Напомню, что идеология (как понятие и дисциплина) была проблематизирована, артикулирована и легитимирована в ходе реформы системы образования, проводимой Наполеоном I после прихода к власти. Вопрос стоял о радикальных изменениях в программах центральных (государственных и общедоступных) школ. Все четыре тома «Идеологии», включающие «Основы идеологии (идеология как она есть)», «Грамматику», «Логику» и «Трактат о воле и ее проявлениях», по сути дела, есть развернутые конспекты курсов (по жанру — что-то вроде учебных пособий), которые должны стать обязательными для всех обучающихся. И хотя сам Д. де Траси был непродолжительное время среди руководителей системы образования, а предложенный им общий проект реформ так и не был осуществлен в реальности, тем не менее опубликованные тексты позволяют утверждать, что предпринятые им усилия не оказались бесполезной растратой интеллектуальных сил, а идеи, как показало время, — весьма и весьма востребованными.

В «Основах идеологии» (первоначальный подзаголовок «Проект [курса] начал идеологии для центральных школ») идеология — отнюдь не превратная и искаженная деятельностью сознания копия действительности, но — прямо противоположное: умозрительная (посредством имеющегося в арсенале людей познавательного инструментария — идей) фиксация (отражение), адекватное во всех отношениях реальности. Иными словами: выражение и представление реальности через идеи. Разумеется, в соответствии с собственными генетическими и операционными характеристиками последних, которые в свою очередь обусловлены природой человека как такового, или, если уточнить, его познавательными способностями, тому, как он в *принципе* может воспринимать, понимать, фиксировать окружающий мир и выражать его (т. е., по сути дела, редукция идей до онтологически-антропологической предзаданности): «Знания о любом живом существе неполны, если не изучены его умственные способности. Идеология есть часть зоологии, а

в зоологии человека эта часть особенно важна и заслуживает глубокого изучения; и Бюффон, самый красноречивый интерпретатор природы, не считал свою естественную историю человека завершенной без хотя бы попытки описать его способность мыслить» [7, с. 26]. Поэтому свою задачу Д. де Траси видит в том, чтобы «дать точное и обстоятельное описание наших умственных способностей, их главнейших проявлений, их наиболее примечательных свойств, одним словом — систематически изложить основы идеологии» [7, с. 28]. Поэтому «моя цель в том, чтобы познакомить вас в деталях с тем, что в вас происходит, когда вы думаете, говорите, рассуждаете: следовательно, необходимо, чтобы прежде вы думали, говорили и рассуждали, без чего вам будет невозможно меня понять» [7, с. 47]. При этом на протяжении всей книги не один раз акцентируется внимание на том, что, хотя познание/мышление человека, сутью которых является «жизнь идей», — его собственная способность, тем не менее «именно из фактов мы всегда должны исходить, ибо они одни учат нас всему, что ни есть; истины более абстрактные суть не что иное, как следствия наблюдения фактов» [7, с. 44]. Показательна и номенклатура сюжетов: что такое думать?; о чувственном восприятии и ощущениях; о памяти и воспоминаниях; о существовании; как приводятся в действие наши умственные способности; и последний — о знаках идей и о том, как они действуют. Последняя глава — это анонс следующих учебно-дисциплинарных комплексов, освоение которых также являются обязательным — грамматики и логики. Таким образом, если идеология — некий набросок общих, обусловленных природой человека, познавательных/умственных способностей, то грамматика — детальное рассмотрение обстоятельств «жизни знаков» (слов), ну а логика — исследование того, в каких отношениях и как взаимодействуют в процессе познания мира эти две относительно автономные стороны: человек воспринимающий — отражающий мир (идеи: в себе) и человек — фиксирующий мир (знаки — слова — язык: вне себя) посредством определенного инструментария: «все языки подчиняются общим правилам, коренящимся в природе пяти наших умственных способностей, из которой проистекают и принципы рассуждения; они полагают, что, для того чтобы по-настоящему познать ход человеческого мышления, эти правила необходимо рассматривать в трех отношениях — образования идей, их выражения и их дедукции, и что это знание не только необходимо для изучения языков, но еще и служит единственным прочным основанием моральных и политических наук». И как венчающее звено создания общей и адекватной картины мира, предполагающей в том числе и существование человека в нем (вплоть до его, человека, социальной предзаданности). Полученные в процессе

освоения этих трех дисциплин знания (понимание) «должны служить единственным прочным основанием моральных и политических наук» [7, с. 31] — завершающий цикл «Трактат о воле и ее проявлениях».

Собственно говоря, с одной стороны, реперные/ключевые точки маршрута постижения освоения мира и себя в нем обозначены не де Траси. Они были и маркированы, и осмыслены в своей необходимости его историческими предшественниками: «Грамматика Пор-Рояля», «Логика Пор-Рояля» и, как уточняющий — конкретизирующий (в общем-то, вспомогательный в концептуальном отношении, ибо предлагает лишь способ упорядочивания мира) — проект «Энциклопедии» Дидро — Даламбера. Но с другой стороны, разговора о том, как, почему, посредством каких операций и с помощью какого инструментария происходит сборка общей картины *человеческого мира*, — а также о гарантиях того, что этот мир — не буйная фантазия и не греза человека познающего, т. е. не исключительно его собственное прихотливое творение, искажающее существующее в мире «положение вещей», — до де Траси не возникало. Разумеется, для французского мыслителя возможность, что идеи могут обрести (в пределах идеологии как дисциплины и как науки) автономный от эмпирической реальности и общества статус, а сконструированный посредством их человеческий мир (искаженная и деформированная версия того, что происходит вокруг нас) стать некоей субреальностью, подотчетной той или иной инстанции, исключалась с самого начала. Гарантом этого выступали не только постоянные и навязчивые отсылки к эмпирической непреложности/упертости феноменов и событий реальности (и вокруг нас, и в нас самих), но и весь цикл, в своей *совокупности* (где связи — отсылки — гиперссылки между отдельными дисциплинами неизменны и многократны, что не позволяет толковать или рассматривать те или иные положения, выводы, постулаты/максимы вне терминологически — концептуально — сюжетного горизонта всех частей корпуса), призванный сформировать верное и истинное (отнюдь не превратное и не иллюзорное) воззрение на мир.

Думается, что именно с этого ракурса, идеологического по де Траси, и следует посмотреть на научный коммунизм.

Среди символических идеологем трех последних десятилетий существования СССР (таких, как марксизм-ленинизм, КПСС, всемирно-историческая миссия пролетариата, классовая борьба, загнивающий и приближающийся к своему неминуемому краху капитализм, светлое будущее и пр.) научный коммунизм — и как образовательно-воспитательная дисциплина, и как институализированная надлежащим образом область познания, — занимал едва ли ни главенству-

ющее положение. Научный коммунизм обладал своеобразной «презумпцией благости», гарантирующей ему статус, не оспариваемый в принципе. И дело, в первую очередь, отнюдь не в цензурно-репрессивном государственном аппарате, пресекающем любые вольнодумства. Дело в другом: научный коммунизм *не предусматривает даже возможность* теоретической проблематизации того или иного (отдельно взятого) положения (вывода, утверждения, рассуждения), ибо замкнут исключительно на самом себе, самодостаточен и автономен, а операционно-допускаемый смысловой или концептуальный пробег — и он может быть бесконечным — может совершаться лишь по предусмотренным (отнюдь не только формально или технологически) маршрутам в сопредельные «братские» дисциплинарные регионы, т. е. в пределах одной и той же номенклатурной сериальности. Другими словами, научный коммунизм не предполагает коммуникацию с чем/кем-то, что находится за пределами того идеологического горизонта, в котором он, наряду с другими предметными комплексами, находится. С ним невозможно полемизировать, но — лишь свергнуть. Что и произошло в реальности в начале 90-х гг. прошлого века, когда Советская империя распалась. Сопровождавшие/декорировавшие ее умозрительные и процессуальные сателлиты либо подверглись тем или иным репрессиям и исчезли (во всяком случае номинально), либо эволюционировали, либо — вытеснены в социальные маргиналии. Не избежал публичного поругания и научный коммунизм. Однако если другие идеологически символические конструкты советского времени на протяжении 30 постсоветских лет непрерывно объявляются в разных дискурсивных обстоятельствах, с различной аксиологической модальностью и предметно-предикатными соотношениями (история, отечественная история, история идей, наследие, социокультурный ландшафт, впечатляющая фигура в общей структуре российских паттернов и пр.), порождая отнюдь не формально-академическую полемику, то с научным коммунизмом случилось иное, а именно: как раз то, что ныне нам хорошо знакомо под термином «культура отмены». Научный коммунизм однажды был отменен, предан забвению и полностью отсутствует в обиходе новой России. Во всяком случае, за минувшие три десятилетия мне ни разу не встретилось это словосочетание — маркер в актуальных событийных контекстах какого-либо рода социально-гуманитарной активности. Чуть ли ни единственным исключением, которое, разумеется, не определяет общую интонацию, является статья М. Ю. Немцева «К истории советской академической дисциплины “Научный коммунизм”», написанная на основе доклада, прочитанного на конференции «Стратегии институционального

строительства в послесталинском СССР (1953–1968)» (июнь 2015 г., Москва) и затем опубликованная в различных изданиях [8]. Судя по названию статьи («К истории»), предполагается, что таковая история есть или, по крайней мере, должна быть. Однако ее нет в постсоветской России. А интеллектуальные усилия М. Ю. Немцева не привели к тому, чтобы к научному коммунизму (в каком-либо качестве или статусе), возник интерес. Это может показаться странным, если учесть, что, во-первых, период эмоционального и радикального отторжения всего, так или иначе связанного с советской эпохой, уже миновал и отношение ко многим фактам и состояниям жизни того времени «пересматривается». Ну а, во-вторых, научный коммунизм во всех своих ипостасях — феномен, в который функционально было вовлечено изрядное количество регионов данности (людей, практик, институций). И речь не об отторгаемых маргинальных зонах эпохи, но, напротив, — о рекламируемом (в эпохе) и тщательно отформатированном по любым известным на тот момент декоративным канонам фасаде. Научный коммунизм — это то, что неизменно присутствовало в наличном обиходе практически всего населения страны советов в период его заката. Кроме того, поколение 50–60-летних, т. е. те, кто сегодня занимают командные высоты во всех областях жизни, знают не понаслышке, но из опыта собственной студенческой молодости, что это такое — научный коммунизм.

Чтобы представить масштаб феномена, его статус и занимаемое место в общей социально-организационной структуре хрущевско-брежневского (и постбрежневского, социалистического) периода, напомним некоторые факты, прекрасно известные современникам тех дней и, уверен, малознакомые взрослевшим в другие времена. В программах подготовки специалистов любого профиля или направления во всех высших учебных заведениях СССР предмет «Научный коммунизм» («Основы научного коммунизма») вошел в 1963 г. (Приказ министра ВССО СССР № 214 «О введении в вузах СССР курса основ научного коммунизма» от 27 июня 1963 г. [9]) и до самого конца советской эпохи, т. е. до 1991 г., он там присутствовал. Все, кто получил высшее образование в этот тридцатилетний период, к этой дисциплине был приобщен. О ее статусе свидетельствует и тот факт, что с 1974/75 учебного года для получения диплома о высшем образовании наряду с защитой дипломного проекта (или сдачи государственного, итогового, экзамена по специальности) необходимо было пройти еще одно испытание — засвидетельствовать перед государственной комиссией знание основ научного коммунизма. Научный коммунизм был включен в так называемый общественно-политический цикл, также обязательный для всех советских студентов

вне зависимости от выбранной ими специальности, в который входили: на 1-м курсе — «История КПСС», на 2-м курсе — «Политэкономия» (могла быть представлена и двухгодичная развернутая версия — «Политэкономия капитализма» и «Политэкономия социализма»); на 3-м или 4-м курсах — «Марксистско-ленинская философия» (или как более развернутый вариант — «Диалектический материализм» и «Исторический материализм»); и, наконец, на последнем курсе, подводящий итоговую черту — научный коммунизм. Цель, которая преследовалась, очевидна — сформировать мировоззрение, т.е. создать общее представление о том, как устроен мир, каково место человека в этом мире, как развивается и функционирует человеческое сообщество, какое будущее ждет людей, какие фундаментальные законы предопределяют результаты и индивидуальных, и коллективных напряжений-усилий. Безусловно, любая социокультурная структура в любую эпоху вне зависимости от локально-конкретных режимов функционирования, а также форм репрезентации и инструментального набора, посредством которых совершались инвестиции, призванные сформировать «правильный» мировоззренческий горизонт, аналогичные пайдеветические дискурсы присутствовали всегда. Это — один из аспектов общеантропологической дрессуры, без которой человек, всегда погруженный в социокультурную реальность, едва ли может считаться полноценным членом сообщества. Советский общественно-политический блок вузовских дисциплин хоть и «отменен историей», дискредитирован и развенчан, тем не менее и сегодня продолжает — под другими рубриками, титулами, в иных формулировках (марксистско-ленинская философия заменена просто философией, политэкономия — экономикой и т.д.) — существовать. Поэтому интерес к тому, какова была общая структура, кто были главными «бенефициарами», какова система аргументации, что входило в аксиоматический архив и какие артикулировались аксиологические паттерны, словом, как функционировал дисциплинарный комплекс, и, в частности, его финальный кульминационный фрагмент (научного коммунизма), — вопрос не только исторического изучения или чисто спекулятивно-умозрительного упорядочивания, но и квалификационной экспертизы текущего момента, а также проективного конструирования.

Марксистско-ленинская философия — это (тематически-канонически в пределах профанной таксономии) диалектический материализм о том, что есть мир и человек в мире (научное мировоззрение, всеобщий метод познания мира, наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и сознания [10, с. 231]); исторический материализм — о человеческом обществе (марксистская

теория развития общества и методология его познания). Предметом исторического материализма являются общество как целостная и развивающаяся социальная система, общие законы и движущие силы исторического процесса [11, с. 570]. История КПСС — назидательное повествование о конкретном и весьма успешном опыте реализации «общих законов движения и развития природы, общества и сознания», наглядный пример того, что не мечта, но реальность. (Изучение истории КПСС вооружает коммунистов, всех трудящихся знанием законов общественного развития, законов классовой борьбы и движущих сил революции, знанием законов построения социализма, коммунизма [12, с. 8].) Политическая экономия — структурно-организационно-функциональный экскурс в человеческое сообщество, в то, из чего оно состоит, как взаимодействуют его составляющие, каким образом работают, субстанциональные и акцидентальные аспекты системы (в первую очередь — экономической, но и не только), закономерности и движущие силы развития и пр. (Она изучает законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. Основой жизни общества является материальное производство. Чтобы жить, люди должны иметь пищу, одежду и другие материальные блага. Чтобы иметь эти блага, люди должны производить их, должны трудиться. Люди производят материальные блага, т. е. ведут борьбу с природой, не в одиночку, а сообща, группами, обществами. Следовательно, производство всегда и при всех условиях является *общественным* производством, а труд — деятельностью *общественного* человека [13, с. 9].) И, наконец, «Научный коммунизм» — развернутая, подробная, с детальным разъяснением всех обстоятельств и «условий возможности/неизбежности» реализации эсхатологическая программа: будущее, которое уже наступило. Легко убедиться, что в своей совокупности все дисциплины дают исчерпывающую картину мира: его прошлого, текущего — настоящего и грядущего, от сотворения мира до конца света. Научный коммунизм дает панораму грядущего, а также представление о том, как оно вырастает из настоящего.

Нуминозными персонажами научного коммунизма являются рабочий класс и мировой революционный процесс. Вокруг этих дискурсивных фигур закручивается основная концептуальная интрига, по ним же выстраивается повествование. Как значитса в канонической формулировке, запечатленной во всех учебно-справочных изданиях, научный коммунизм изучает «закономерности развития мирового революционного процесса, закономерности возникновения и развития коммунистического общества — высшей ступени прогресса человечества. Эти

закономерности определяют основное содержание социальных изменений в нашу эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму» [14, с. 3]. Общая структура дисциплины включает несколько разделов, которые в своей совокупности и последовательности-связности вполне соответствуют существующим на тот момент (и, кстати, оставшихся практически без изменений до сего дня) легитимным формальным регламентам научно-гуманитарного знания как такового. Иными словами, конструктивно и операционно воспроизводит привилегированный и доминирующий (магистральный) на тот момент эпистемологический сценарий (познавательную парадигму, причем общенаучную, не сугубо гуманитарную). А именно: после определения предметного горизонта — предыстория и предтечи дисциплины («Утопический социализм», теоретические источники, пророки и классики («возникновение и основные этапы развития научного коммунизма» [13, с. 4])). Далее следует аналитический обзор обстоятельств, условий, причин и действующих в период перехода «от... к» агентов и контрагентов — теория социалистической революции; современная эпоха и мировой революционный процесс; мировая социалистическая система — главная революционная сила современности; кризис мирового капитализма и революционное движение рабочего класса; национально-освободительное движение; мировое коммунистическое движение. Следующий раздел содержит ряд сюжетов, призванных дать общее представление о том, какие трансформации в жизни человека и общества уже произошли и произойдут в будущем, а также характеристика этапов эволюции: переходный период от капитализма к социализму, диктатура пролетариата и ее формы; трансформации общественных отношений в переходный период; социалистическое общество; закономерности развития мировой системы социализма. И последний тематический блок включает апологетически-аксиологическую аналитику значимых (как препятствующих, так и способствующих) при реализации всемирно-исторического движения систем-структур-позиций-сил-инструментов, уже проявивших себя в реальности, а потому выступающими надежными маркерами принадлежности/непринадлежности, которые должны быть поддержаны (либо — напротив, блокированы). Таков стандартный тематический набор, тот необходимый минимум «дидактических единиц», который не зависит от произвола или прихоти конкретного исполнителя, т. е. лектора/автора.

Какими бы вздорными, абсурдными и фантастическими предлагаемые для усвоения темы ни казались сами по себе сейчас — а таковыми они виделись и в эпохе, едва ли и «производители», и «потребители» доктрины всерьез и с искренним восторгом относились к проговари-

ваемому, разве что очень наивные, каковых в системе высшей школы было немного, — но в своей совокупности они в принципе не могли, как уже было сказано выше, быть опровергнуты теоретически-дискурсивно. Научный коммунизм, и об этом говорилось при всяком упоминании о нем (научный коммунизм — «одна из трех составных частей марксизма-ленинизма, раскрывающая общие закономерности, пути и формы классовой борьбы пролетариата, социалистической революции, построения социализма и коммунизма... научный коммунизм органически связан с другими составными частями марксизма-ленинизма — марксистской философией и политической экономией» [15, с. 346]), не может быть рассмотрен вне его логически-предметно-терминологической связи с другими дисциплинарными комплексами, через них легитимируется, черпая в них доказательную базу и аргументацию. Каждый из тематических блоков внутри любого раздела не может существовать автономно, ни, тем более, редуцирован до какого-либо «онтологического субстрата» (фигуры, силы, объекта, элемента), но отсылает — и логически, и терминологически, и процессуально — к другим, которые выступают в качестве «общих» (концептуально-фундаментальных структур, которые, в свою очередь, легитимируются не «из себя» или «в себе», но отсылают к другим структурам, при этом в «разных ракурсах»/«вопрошаниях» — предметных «топиках» — они могут менять модальность или мигрировать из акцидентального горизонта в субстанциональный или наоборот). Например, классовая система социалистического общества и пути достижения социальной однородности — к теории социалистической революции и к революционному движению рабочего класса. Последние находят свое обоснование в политэкономии, в которой разъясняется, каким образом технологически организуется производство жизни человека и общества, какие паттерны (материальные и экзистенциальные) и инструменты она включает, и как они взаимодействуют друг с другом. Логически теоретическое обоснование этих вопросов содержится уже в другом дисциплинарном регионе — историческом материализме, где оглашены наиболее общие закономерности развития человеческого общества. Но последние также опираются на фундамент — диалектический материализм, в котором социум включен в общую структуру мироустройства, является лишь ее «частным случаем». Посредством таких гиперотсылок мы в итоге упрямся в акт «сотворения мира» (в неизбежность «предельного вопрошания», которое всегда либо «глас вопиющего в пустыне», либо произвольная конвенция, либо «дело веры») или — если отталкиваться от общеевропейской метафизическо-экзистенциальной бинарно-оппозиционной традиции — в смысловое противоборство материи

и сознания, утвержденное в качестве фундаментальной, первичной и исходной, оппозиции — не новой, знакомой нам еще со времен до-сократиков. А тут уже особо не подискутируешь, ибо предлагаемых европейским мыслительным опытом ответов всего два, причем оба, как показало почти трехтысячелетнее развитие «гуманитарной мысли» региона, равно привлекательны, имеют достаточное количество умеющих убеждать адептов, а потому — в итоге — каждый (человек либо сообщество) принимает решение на свой страх и риск и руководствуется, скорее всего, не логикой, а импульсом. И получается: каким бы ни казался фантастическим, глупым или абсурдным термин (или максима/вывод/утверждение), циркулирующий в научном коммунизме, в своем пределе («в конечном счете») сводится — в своем «нижнем», фундаментальном пределе — к жестам воли, выбора, прихоти или симпатии. Все находящиеся «между» — т. е. логически-апологетические конструкции-последовательности, разбросанные по различным предметно-дисциплинарным полям и связанные между собой посредством смысловых гиперотсылок, — это чистая технология, которая работает, как показал многовековой исторический опыт Европы, довольно успешно. А потому протестовать против тех или иных утверждений научного коммунизма — равносильно посягать на саму базовую модель (традицию) европейского познания, вне зависимости от того, как она метафизически декорируется. Налицо — умозрительная апория. Или — когнитивный диссонанс.

Право на существование научного коммунизма страхуется и онтологически (через простую и извечную философическую бинарию-бытие-сознание), и социологически (через истматовскую, подтвержденную для усиления эффекта политэкономическими конструкциями, панораму развития человеческого общества), и исторически (через историю КПСС как нарратива реальности), и семиотически-лингвистически-логически (научный аппарат), и операционно-институционально. Последнее едва ли стоит как-то доказывать: научный коммунизм, хотя и после своего введения в вузовские программы, функционировал в том же самом режиме, что и любой другой сегмент легально-легитимного познания. Как это ни абсурдно может прозвучать сейчас, когда научный коммунизм с полным правом можно квалифицировать как лженауку, здесь соблюдались те же самые процессуальные регламенты дискурсивного производства, что и в других областях, — хоть гуманитарного, хоть негуманитарного — именно научного знания. В процедурном отношении научный коммунизм — это не только вузы и люди, задействованные в образовательно-воспитательных ритуалах (а это — миллионы), но и научно-исследовательские подразделения-сектора,

издаваемая литература, документация (дипломы, удостоверения, протоколы, свидетельства), наконец — предметно-тематические наборы и сопряженные с ними стилистики институционально оформленного легитимного производства.

Гротеск, так же как и более философско-академически-нейтральный нонсенс, — это, в общем и целом, «наложение», «смещение», «причудливое сочетание», «совмещение несовместимого», нарушение дисциплинарно-дискурсивной иерархической упорядоченности (элементов, структур, последовательностей, маршрутов). Или, если более детально: «То, что нонсенс высказывает собственный смысл, — лишь пустая игра слов... Пустословием была бы фраза, что нонсенс имеет смысл, а именно тот, что у него нет никакого смысла... Наоборот, когда мы допускаем, что нонсенс высказывает свой собственный смысл, мы хотим указать на то специфическое отношение, которое существует между смыслом и нонсенсом, и которое не совпадает с отношением между истиной и ложью, т. е. его не следует понимать просто как отношение взаимоисключения... Парадоксальный элемент — это нонсенс, взятый в двух... фигурах. Но нормальные законы не обязательно противоречат этим двум фигурам. Наоборот, данные фигуры подчиняют нормальные, наделенные смыслом слова этим законам, не приложимым к самим фигурам: всякое нормальное имя имеет смысл, который должен обозначаться другим именем и который должен задавать дизъюнкции, заполненные другими именами. Поскольку наделенные смыслом имена подчиняются нормальным законам, они обретают определения сигнификации. Определение сигнификации не то же самое, что закон... согласно дизъюнктивному закону, определение сигнификации утверждает, что свойство или термин, положенные в основу классификации, не могут принадлежать какой-либо группе, входящей в данную классификацию. Элемент не может быть ни частью подмножеств, которые он определяет, ни частью множества, чье существование он предполагает. Таким образом, фигурам нонсенса соответствуют формы абсурда. Эти формы определяются как «лишенные сигнификации» и приводящие к парадоксам... абсурд выступает то как смешение формальных уровней в регрессивном синтезе, то как порочный круг в дизъюнктивном синтезе» [16, с. 99–100]. Но именно таков научный коммунизм: «парадоксальный элемент», который в принципе ни верифицировать, ни фальсифицировать в рамках историко-философской европейской парадигмы невозможно. С ним возможно лишь «связаться» через серию событий, которую он задает. Но а сама серия разворачивается не благодаря парадигмально-прочерченной умозрительной предзаданности маршрута, но благодаря

давлению практики-силы (т.е. контроля тех регионов, где производится дискурс) либо — откровению веры. Полагаю, что в случае с научным коммунизмом приоритетное внимание уделялось первой тактике, но и вторая не исключалась полностью.

Литература

1. Мотрошилова, Н. В. (2020), История философии в системе Гегеля, в: *Историко-философский ежегодник*, т. 35, с. 117–166.
2. Гегель, Г. В. Ф. (1993), *Лекции по истории философии в 3 т.* Кн. 1, СПб.: Наука.
3. Дьяков, А. В. (2015), Жиль Делез и история философии: новые пространства, в: *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, № 3 (35), с. 12–18.
4. Солонин, Ю. Н. (2003), Маргинальность в философии: опыт позитивной оценки ее в историко-философском понимании, в: *Логико-философские штудии*, № 2, с. 286–302.
5. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955), *Немецкая идеология*, в: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Собрание сочинений: в 50 т.*, т. 3, М.: Политиздат, с. 7–544.
6. Энгельс, Ф. (1965), *Письмо Францу Мерингу, 14 июля 1893 г.*, в: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Собрание сочинений: в 50 т.*, т. 39, М.: Политиздат, с. 82–86.
7. Де Траси, А. Л. К. Д. (2013), *Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова*, М.: Академический проект.
8. Немцев, М. Ю. (2016), К истории советской академической дисциплины «Основы научного коммунизма», в: *Идеи и идеалы*, № 1 (27), с. 23–38.
9. Приказ министра ВССО СССР № 214 «О введении в вузах СССР курса основ научного коммунизма» от 27 июня 1963 г. (1963), в: *Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР*, № 8.
10. *Диалектический материализм (1973)*, в: *Большая советская энциклопедия: в 30 т.*, 3-е изд., т. 8, М.: Советская энциклопедия.
11. *Исторический материализм (1972)*, в: *Большая советская энциклопедия: в 30 т.*, 3-е изд., т. 10, М.: Советская энциклопедия.
12. Пономарев, Б. Н., Волин, М. С., Зайцев, В. С. и др. (1976), *История Коммунистической партии Советского Союза: учебник для вузов*, М.: Политиздат.
13. Островитянов, К. В., Шепилов, Д. Т., Леонтьев, Л. А., Лаптев, И. Д., Кузьминов, И. И., Гатовский, Л. М. (1954), *Политическая экономия: учебник*, М.: Изд-во Политической литературы.
14. Федосеев, П. Н., Афанасьев, В. Г., Брутенц, К. Н. и др. (1976), *Научный коммунизм: учебник для вузов*, М.: Политиздат.
15. *Научный коммунизм (1974)*, в: *Большая советская энциклопедия: в 30 т.*, 3-е изд., т. 17, М.: Советская энциклопедия.
16. Делез, Ж. (1998), *Логика смысла*, М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2022 г.;
рекомендована к печати 9 июня 2022 г.

Контактная информация:

Соколов Евгений Георгиевич — д-р филос. наук, проф.; e.sokolov@spbu.ru

Historical and philosophical grotesque/nonsense: Scientific Communism*

E. G. Sokolov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sokolov E. G. Historical and philosophical grotesque/nonsense: Scientific Communism. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 401–423. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.126> (In Russian)

The article demonstrates how Scientific Communism, an ideological construct of the last three decades of the Soviet period of national history, can be interpreted from philosophical positions. The historical and philosophical concept of G. W. F. Hegel is taken as the starting point of the study, on the basis of which a scientific and academic version of the historical evolution of philosophical thought was formed, which has a paradigmatic status in the historical and philosophical discourse. However, later on, the tendency to expand the horizons of philosophical competence began to manifest itself clearly by including systems that, according to formal and substantive characteristics, do not meet Hegelian disciplinary criteria, and therefore can be qualified as marginal. This will allow us to assert that the historical evolution of philosophical thought is diverse in essence and cannot be theoretically monological, because it includes various forms of philosophizing, as well as discursive-thematic contents. Scientific Communism is precisely such a marginal zone, whose philosophical potential can be fully manifested only when the perspective of research interpretation is shifted. The dominant attitude among researchers of humanities to ideology, a characteristic example of which is Scientific Communism, is based on the opinion of K. Marx, who considered it, ideology, an illusory and perverse form of reflection of the world, distorting reality. However, if we follow the installation of D. de Tracy, thanks to which ideology was articulated as an autonomous and socially significant cognitive practice, then the real task of ideology is precisely to form a worldview adequate to reality. Of course, ideology, according to D. de Tracy, will gain a positive effect, as well as philosophical and conceptual persuasiveness, only when mastering the entire complex of paideutical disciplines, such as Grammar, Logic and Ethics. In the case of Scientific Communism, such complexes accompanying and legitimizing each other were dialectical and historical materialism, political economy and the history of the Communist Party of the Soviet Union. The article is written in memory of Akat Kalistratovich Belykh, Doctor of Philosophy, the first and only head of the Department of Scientific Communism (1962–1992) of the Faculty of Philosophy of the Leningrad Order of Lenin and the Order of the Red Banner of Labor of the A. A. Zhdanov State University.

Keywords: history of philosophy, paradigm, marginality, ideology, Scientific Communism, G. W. F. Hegel, D. de Tracy, K. Marx.

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-011-00144 “Theoretical heritage of philosophy in Leningrad-Petersburg. The second half of the twentieth century”).

References

1. Motroshilova, N. V. (2020), The history of philosophy in the Hegel system, in: *History of Philosophy Yearbook*, vol. 35, pp. 117–166. (In Russian)
2. Hegel, G. W. F. (1993), *Lectures on the History of Philosophy in 3 vols*, vol. 1, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
3. Dyakov, A. V. (2015), Gilles Deleuze and the history of Philosophy: New spaces, in: *Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, no. 3 (35), pp. 12–18. (In Russian)
4. Solonin., Yu. N. (2003), Marginality in philosophy: The experience of its positive assessment in the historical and philosophical understanding, in: *Logical and philosophical studies*, no. 2. pp. 286–302. (In Russian)
5. Marx, K., Engels, F. (1955), German ideology, in: Marx, K., Engels, F. *Collected works in 50 vols*, vol. 3, Moscow: Politizdat Publ., pp. 7–544. (In Russian)
6. Engels, F. (1965), Letter to Franz Mehring, July 14, 1893, in: Marx, K., Engels, F. *Collected works in 50 vols. Vol. 39*, Moscow: Politizdat Publ., pp. 82–86. (In Russian)
7. Destute de Tracy., A. L. K. (2013), *Fundamentals of ideology. Ideology in the proper sense of the word*, Moscow: Academicheskii proekt Publ. (In Russian)
8. Nemtsev, M. Yu. (2016), On the history of the Soviet academic discipline “Fundamentals of Scientific Communism”, in: *Ideas and Ideals*, no. 1 (27), pp. 23–38. (In Russian)
9. *Order of the Minister of Higher and Secondary Education of the USSR no. 214 “On the introduction of a course on the basics of Scientific Communism in universities of the USSR” dated June 27, 1963* (1963), in: *Bulletin of the Ministry of Higher and Secondary Special Education of the USSR*, no. 8. (In Russian)
10. Dialectical Materialism (1973), *The Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vols, 3rd ed. Vol. 8, Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia Publ. (In Russian)
11. Historical Materialism (1972), *The Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vols, 3rd ed. Vol. 10, Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia Publ. (In Russian)
12. Ponomarev, B. N., Volin, M. S, Zaitsev, V. S. et al. (1976), *History of the Communist Party of the Soviet Union. Textbook for universities*, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
13. Ostrovityanov, K. V., Shepilov, D. T., Leontiev, L. A., Laptev, I. D., Kuzminov, I. I., Gatovsky, L. M. (1954), *Political Economy. Textbook*, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
14. Fedoseev, P. N., Afanasyev, V. G., Brutents, K. N. et al. (1976), *Scientific Communism. Textbook for universities*, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
15. Scientific Communism (1974), *The Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vols, 3rd ed. Vol. 17, Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia Publ. (In Russian)
16. Deleuze, J. (1998), *The logic of meaning*, Moscow: Raritet Publ.; Ekaterinburg: Business book Publ. (In Russian)

Received: May 30, 2022

Accepted: June 9, 2022

Author's information:

Evgenie G. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; e.sokolov@spbu.ru